

Е. А. ЗИНЬКО

“СТАРЫЕ” И “НОВЫЕ” ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ
(к публикации статьи: Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь
Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // О
древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Сб. науч. трудов.
– Киев: Изд. дом “Стилос”, 2004. – С. 94-166)

На протяжении двухсот лет обширный курганно-грунтовой некрополь Пантикапея на северном склоне горы Митридат привлекает внимание исследователей. Появление рецензируемой статьи, “посвященной полной публикации результатов исследований Керченского отряда Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ” (с. 94), привлекло наше внимание, поскольку полевой сезон 2000 года мы проводили совместно с авторами статьи, а в последующие два года мы имели возможность наблюдать процесс этих работ.

Судя по выделенным авторами разделам, рецензируемая статья представляет не просто “полную публикацию материалов” (с. 94), а претендует на обобщающее исследование в изучении позднеантичных погребальных сооружений Пантикапея-Боспора. Первый раздел “История исследования” представляет собой довольно краткое эссе об этапах исследования могильника, причем, по мнению авторов, можно выделить время “систематических раскопок директорами и представителями Императорской археологической комиссии” и “планомерных раскопок В.В.Шкорпила” (с. 94), после которого “значимых раскопок погребальных сооружений на северном склоне г. Митридат, вплоть до недавнего времени, не производилось” (с. 95). Лишь благодаря усилиям авторов публикации “новый этап охранных работ на некрополе начался осенью 2000 г.” (с. 96). Правда отмечается, что некая “попытка возобновления археологического изучения древнего кладбища была предпринята экспедицией Е.А.Зинько совместно с одесским спелеоклубом “Поиск” в 1995-2000 гг.”, которые “ограничились подземными топографическими работами, в результате которых было картографировано 63 склепа” (с. 95).

К сожалению, авторы статьи, приступая к написанию истории исследования некрополя, не только не удосужились в достаточно полном объеме познакомиться с существующими публикациями исследователей XIX – начала XX вв., но не знают и о широкомасштабных охранных раскопках погребальных комплексов северного склона горы Митридат, начатых в 1989 г. охранно-археологической экспедицией Керченского государственного историко-культурного заповедника (КГИКЗ) под руководством В.Н.Зицько. Отрядами этой экспедиции, возглавляемыми О.Д.Чевелевым, О.В.Шаровым, В.Н.Корпусовой, Н.Ф.Федосеевым, в первой половине 1990-х годов было раскопано в общей сложности несколько тысяч квадратных метров территории в районе улиц Чернышевского, Крупской, 23 Мая, Челова и исследовано около двух сотен античных и раннесредневековых погребальных сооружений [1; 2; 3]. Экспедиция КГИКЗ в своей деятельности считала основными два научно-исследовательских направления: исследования боспорских некрополей и изучение памятников полисной хоры [1, с. 16]. Как составная часть одного из этих направлений, нами была разработана, благодаря настоянию директора КГИКЗ Э.В.Яковенко, возродившей после долгого забвения интерес к боспорским расписным склепам [4], комплексная программа по изучению и сохранению этих археологических памятников [5; 6]. Однако из-за недостатка финансирования программа долгое время не могла осуществляться в полном объеме. Лишь с созданием в 1995 году Фонда “Деметра” появилась возможность привлекать, вначале очень ограниченные, финансовые средства к выполнению этой программы. На первом этапе нашей работы проводились не только, как отмечают авторы рецензируемой статьи, подземные топографические съемки, в ходе которых было картографировано не 63 склепа (с. 95), а 67 склепов в двух системах, но также графическая и фотофиксация рисунков в склепах, изучение этих рисунков и поиски методов для их консервации [7; 8]. В 1997 г. был составлен план склепов в районе известного расписного склепа 1891 г. и изучены его рисунки. В исследовании живописи этого склепа принимала участие и известный специалист в области фресок римского периода профессор А.Барбе [9]. Значительное время было уделено изучению архивных дел Императорской археологической комиссии, хранящихся в ИИМК РАН. Поэтому начало нового этапа планомерных исследований некрополя Пантикапея, продолжающегося по сей день, следует отнести к рубежу 1980-90-х гг. и связывать с планомерными и систематическими исследованиями экспедиции Керченского заповедника, продолженными затем Пантикапейским отрядом Боспорской охранно-археологической экспедиции Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (КО ИВ НАНУ).

В заключительной части первого раздела авторы рецензируемой статьи кратко излагают задачи и методы своих работ, которые целесообразно сконцентрировать на изучении доступных “изнутри” участков некрополя, фиксации архитектурных особенностей элементов погребальных камер, их зачистке с целью сбора и анализа сохранившегося археологического и антропологического материала (с. 96). Причем специально оговаривается, что “полное исследование при подземных работах дромосов и входных ям довольно затруднительно” (с. 96, прим. 5). Поэтому в дальнейшем дромосы и входные ямы полностью выпадают из поля зрения

авторов, хотя они справедливо отмечают, что “размеры входных ям являются важным признаком при разработке типологии и не могут воспроизводиться без должных на то оснований (натурных обмеров)” (с. 96, прим. 5). Следующий далее упрек по поводу опубликованных нами заштрихованных контуров (читай – гипотетические) видимых из дромосов склепов входных ям [7, с. 72, рис. 1] следует, вероятно, отнести к неумению авторов читать чертежи. Кстати, в той же манере выполнено предполагаемое расположение входных ям и на планах М.Ю.Сохина [10, рис. 1], которого авторы постоянно ставят в пример. В то же время на опубликованном ими плане (рис. 1) в ряде случаев нанесены входные ямы той же линией, что и сами погребальные камеры, хотя в тексте не то что об этих входных ямах, но и о склепах нет ни слова. Следуя стилю работы авторов, читателю следовало попытаться измерить на плане, опубликованном ими в масштабе 1:1000, эти ямы и прийти к заключению о “недостовверных” размерах входных ям.

Не знаем, что подразумевали авторы под “зачистками с целью сбора”, но на практике то, что пришлось нам наблюдать осенью 2000 г. во время краткосрочного пребывания этих двух сотрудников КФ ИА НАНУ, не имевших, к слову, даже базового профильного образования, сводилось в большинстве случаев к “выковыриванию” отдельных находок из слоя заполнения склепов. Если и проводились отдельные послые раскопки, они ограничивались лишь небольшими участками пола склепа или его лежанок, причем исследованный грунт оставался здесь же в системе на неисследованных участках склепов.

Последний абзац первого раздела и сноски к нему, где авторы статьи перечисляют хронологию, участников и объекты своих работ, вызывает у знающих эти события, более чем удивление. Хотелось бы напомнить авторам, что первоначальный осмотр Системы-2000 г. (с фото и кинофиксацией) производился не только сотрудниками КГИКЗ А.В.Куликовым и А.Л.Ермолиным, а также сотрудниками КО ИВ НАНУ В.Н. и Е.А.Зинько [8, с. 72, прим.], которых они почему-то забыли (с. 96). Затем, по настоянию дирекции КГИКЗ, для участия в раскопках был приглашен и КФ ИА НАНУ. По прибытии в Керчь директора КФ ИА НАНУ В.Л.Мыца, в Фонде “Деметра” было проведено обсуждение состава участников совместного проекта: КГИКЗ, Фонд “Деметра” и КФ ИА НАНУ, а также объектов работ. Российское общество спелеологии и спелеонавтики, о котором упоминают авторы статьи (с. 96), как самостоятельный субъект в работах 2000 г. участия не принимало. Нам в этом проекте поручались работы по расчистке живописи в склепе № 2 и составлению плана Системы-2000 г. Сотрудники КГИКЗ и КФ ИА НАНУ должны были заняться археологическими раскопками склепов. Фонд “Деметра” полностью финансировал работы нашего отряда (расчистка, консервация живописи и составление плана Системы-2000 г.), а также оплачивал расходные материалы для археологических раскопок. По результатам обсуждения был подготовлен трехсторонний договор, который после долгих проволочек так и не был подписан КФ ИА НАНУ.

Для составления плана Системы склепов 2000 г. была приглашена группа из трех человек (персональный состав группы предложил А.Л.Ермолин) в составе сотрудника КГИКЗ С.Ивановой (руководитель) и двух российских специалистов. Фонд “Деметра” оплатил их работу. М.Ю.Сохин произвел окончательную доводку плана и сдал материалы в январе 2001 г. в Фонд “Деметра” с пометкой на

титულном листе о своей исключительной интеллектуальной собственности на сданные чертежи. Однако в соответствии с официальным трудовым соглашением, по которому были выплачены определенные финансовые суммы за проделанную и сданную работу в виде плана топосъемки склепов “Система 2000 г.”, единственным юридическим собственником плана является фонд “Деметра”, который и передал его нам для публикации. Поэтому имя М.Ю.Сохина не указывается нами не “по недоразумению” (с. 96, прим. 6), как почему-то мягко замечают обычно более категоричные в своих заключениях авторы публикации, а сознательно, учитывая к тому же все его дальнейшие деструктивные действия. В связи с этим хотелось бы обратить внимание авторов статьи на правовую сторону получения и использования ими самими и М.Ю.Сохиним плана склепов “Система 2000 г.”.

Для расчистки от ила стен склепа № 2 были приглашены реставраторы КГИКЗ во главе с руководителем реставрационного отдела Н.Л.Кучеревской. На протяжении почти двух месяцев нами совместно с реставраторами была произведена очистка ВСЕХ стен склепа № 2 от толстого слоя ила, проведена расчистка ВСЕХ рисунков и их закрепление, а также сделаны обмерные чертежи, фотофиксация и графическая фиксация живописи в масштабе 1:1. В связи с этим не понятно, почему авторы “полной публикации” полагают, что только “благодаря работе художника-реставратора КГИКЗ В.В.Кузина, очистившего ЧАСТЬ (разрядка наша – Е.З.) стен склепа ..., удалось зафиксировать НЕКОТОРЫЕ (разрядка наша – Е.З.) рисунки и составить ЦЕЛОСТНОЕ (разрядка наша – Е.З.) впечатление о технике и композиционном решении красочного декора и погребального сооружения” (с. 100). Тогда в каком году и что фиксировал в прорисовках и копиях росписей склепа “м.н.с. КФ ИН НАНУ А.А.Труфанов” (с. 100, прим. 17)? Что и на каком основании фотографировал в 2001 г. в склепе № 2 Е.М.Веремейчик, и что же авторы статьи опубликовали (рис. 35)? Аналогичный вопрос возникает и по поводу заметки в “Археологічних відкриттях в Україні” за 1999-2000 гг. [11]. Никакого участия в ее написании я не принимала и поэтому никогда не включала в список своих научных публикаций, несмотря на то, что кто-то поставил там мою фамилию. Вероятно, авторам “полной публикации” не известны не только такие правовые нормы как авторское право, но и обычные этические нормы, не говоря уже об элементарных знаниях в постановке и выполнении научно-исследовательских и охранных задач при проведении археологических исследований на памятниках истории и культуры.

Это со всей очевидностью раскрывается при описании ими объектов дальнейших работ 2001-2002 гг. Так, в 2001 г., бросив исследования (хотя уместней было бы констатировать – так и не начав археологические раскопки) и не законсервировав вход в Систему-2000 г., симферопольские специалисты начали “подземные топографические и археологические работы в “Системе – Желябова, 27” (с. 96). Не буду долго дискутировать, какие планы этой системы отличаются большим схематизмом (именно это побудило авторов статьи начать здесь работы (с. 96, прим. 7)). Отмечу следующее. Вполне осознавая несовершенство полуинструментальных методов подземной съемки, я на протяжении всего периода исследований искала и продолжаю искать возможность произвести полномасштабную съемку искусственных подземных сооружений с применением

самых совершенных современных методов на как можно большей площади могильника в единой системе координат. Я не писала, что планы, сделанные в ходе работы моей экспедиции, совершеннее чьих-либо. В отчетах и публикациях планы обязательно привязаны к существующим улицам. Это, как отмечено, якобы делали и авторы статьи (с. 97, прим. 10). Однако в их публикациях приведены только планы подземных съемок, без привязок к улицам. Поэтому сравнить что-либо сложно. Ошибка в подземных измерениях составляет не "1-2 м на 31-32 м съемочного хода" (с. 97, прим. 10), а минимум в два раза большую величину, в чем я смогла убедиться при археологических раскопках с современной дневной поверхности в 2001 г. склепа № 11 из Системы-2000 г.

Еще более одиозно изложены результаты "обследований" 2002 г. Авторы публикации забыли, что входной колодец в склеп № 1, на месте провала грунта на перекрестке улицы Шлагбаумской и Пугачевского переулка, был раскопан моей экспедицией в сентябре 2002 г. Мы выявили и картографировали новую систему склепов – "Система-2002 г.". После завершения работы входная яма была перекрыта железобетонной плитой. В октябре месяца этого же года, когда я находилась на научной конференции в Санкт-Петербурге, А.В.Лысенко, В.Ю.Юрочкин и М.Ю.Сохин делают подкоп под эту плиту (вероятно, из-за лениости решили не поднимать) и проникают в "Систему-2002 г.", которую они вновь картографируют и теперь называют "Система – Шлагбаумская, 8". Мотивация этого грубого игнорирования действующего законодательства в публикации авторов отсутствует (вероятно, нужно было перед кем-то отчитаться каким-либо новым объектом), лишь делается туманная ссылка (с. 96, прим. 8). Кстати, достоверную хронологию этих событий, о которой стыдливо умолчали авторы публикации, со всей откровенностью приводит М.Ю.Сохин [12, с. 283].

Следующий раздел "Общая характеристика участков некрополя, изученных в 2000-2002 гг." лишь в незначительной мере отвечает своему названию. Дав лишь самые общие сведения о местности и о количестве зафиксированных погребальных сооружений, авторы не представили ни геологии склона горы, ни археологической стратиграфии участков некрополя ими изученных. Странно звучит их вывод об отсутствии четкой системы в размещении склепов (с. 98). И только незнанием современных публикаций можно объяснить их рассуждения "о наличии или отсутствии здесь погребальных сооружений других типов" (с. 98). Все дальнейшие суждения о морфологическом строении склепов некрополя довольно умозрительны и в большинстве случаев не имеют отношения к работам авторов. В примечании 12 этого раздела объяснена система нумерации склепов. Эта задача, как мне представляется, может быть решена только в процессе подготовки и издания сводного плана всех (а не только склепов) погребальных сооружений некрополя Пантикапея-Боспора на северном склоне горы Митридат. Если же следовать логике авторов публикации, то нужно нумеровать только позднеантичные склепы, начиная с 2000 г., т.к. именно тогда они открыли первый склеп.

В разделе "Описание склепов" авторы дают подробное описание с архитектурными обмерами 14 склепов из работ 2000 г. и 4 склепов из работ 2001 г., хотя в предыдущем разделе "полной публикации результатов исследований" говорилось о работах в 166 склепах. Результаты работ 2002 г. в этом разделе

отсутствуют. Судя по описаниям, даже из упомянутых 14 склепов “Системы-2000 г.” какие-то археологические работы проведены лишь в склепе № 2 (это работы моего отряда), а также частично в склепах №№ 4, 5, 6, 10, 25, 31. Почему-то в этом разделе отсутствует описание и план склепа № 15, где, как заявили авторы, “сделан ряд показательных находок” в том числе и надгробие с крестом, изображение которого также отсутствует (с. 99, рис. 22). Но даже и для этих склепов в ряде случаев (склеп №№ 4, 5) в описании и рисунках нет части данных о размерах погребальных сооружений. Особо следует отметить, что при описании живописи в склепе № 2 авторы публикации высказывают ряд предположений (с. 101, прим. 18), достоверность которых можно было установить только в процессе расчистки стен склепа от ила. К сожалению, придется их разубедить, что ни “орнаментально-магической композиции в виде двух парных звериных голов”, ни преднамеренно сбитой краски в области сердца воина при расчистке и закреплении живописи в 2000 г. не наблюдалось.

В 2001 г. из 66 картографированных склепов “Системы Желябова, 27”, авторы, судя по опубликованному тексту, сделали обмеры и исследовали три склепа №№ 86-87 с живописью, уже неоднократно описанных начиная с М.И.Ростовцева. Правда, в случае со склепом № 88 (Склеп 1912 г. М.И.Ростовцева) наличие новых чертёжей этого склепа не известно, т.к. авторы публикации на рис. 30 дают изображение этого склепа по М.И.Ростовцеву. К сожалению, авторы не докопали единственный склеп № 115 (на рис. 32 почему-то указан склеп № 113), который они могли исследовать полностью. Хотя этому уже ничто не препятствовало, кроме, вероятно, отсутствия интереса у авторов к исследованию входной ямы погребального сооружения.

В следующем разделе “Типология и относительная хронология”, который, как отмечают авторы, ими уже ранее публиковался, даются “некоторые предварительные выводы об архитектурных особенностях склепов” (с. 117). Далее отмечая, что “по объёмно-планировочному решению среди них выделяется, по крайней мере, три типа”, авторы публикации подробно описывают четыре типа (с. 117-118), причем замечают, что ряд склепов вообще не вписываются и не учитываются в их “типологии” (прим. 31). Закономерно возникает вопрос, что это – типологическая классификация или произвольное объединение в некие группы отдельных сооружений, который усиливается, когда читаешь о поперечноосевой (тип I) и продольноосевой (тип III) конструкции, где основной показатель – ось входной ямы и дромоса. Похоже, авторы уже совершенно забыли, что в начале статьи они сами отказались от их исследования (с. 96, прим. 5), и у них отсутствуют какие-либо достоверные данные об этих частях погребального сооружения. Остальные так называемые “типы” отличаются то ли размерами, то ли не названными “другими особенностями оформления интерьера” (с. 118).

Не вдаваясь в дальнейший анализ этой авторской группировки объектов (для понимания этого вопроса авторам следует порекомендовать ознакомиться хотя бы с классическими работами Л.С.Клейна), хотелось бы отметить, что какие-либо заимствования из нее очень проблематичны (с. 117, прим. 29). Поэтому в основу моей классификации положен один главный признак – вид геометрической формы (прямоугольник, квадрат, трапеция) пола погребальной камеры [13, с. 309-311]. Все остальные признаки играют в ней второстепенную роль.

Какие-либо рассуждения об относительной хронологии в произвольно, по разным в каждом случае показателям, сгруппированном материале вряд ли стоит считать уместными.

Раздел "Инвентарь" следует отнести к наиболее проработанным из всех разделов в рецензируемой публикации. Авторы поочередно рассматривают фрагменты тех или иных вещей погребального инвентаря, служащие "хроноиндикаторами" (с. 119), сгруппировав их в несколько групп: амфоры, миски, стеклянная посуда, пряжки и др. Однако приводимые ими даты той или иной группы находок, построенные на довольно обширных аналогиях, к сожалению, не много говорят о "широкой" или "узкой" дате конкретного погребального сооружения. Судя по всему, авторов "полной публикации результатов исследований" погребальных сооружений некрополя этот вопрос вообще не интересовал.

Заключительный раздел "Хронологическая типология погребальных сооружений" является, по замыслу авторов, собранием "отдельных соображений" в попытке "синхронизации типов с выходом на абсолютные даты" (с. 127). Почему-то авторы говорят вначале опять о трех основных типах (с. 127), а затем в изложении появляется четвертый (с. 128). Причем при выделении III типа теперь уже новый основной признак (чье-то влияние?) – трапецевидная форма камеры (с. 128), тогда как несколькими страницами выше это было – ярко выраженная продольноосевая конструкция (с. 118).

Дальнейшие хронологические сопоставления с привлечением типологически близких сооружений из раскопок В.В.Шкорпила и А.А.Масленникова (резонный вопрос – насколько близких к какому так называемому "типу"?) с выходом на периодизацию И.П.Засецкой, которая "фактически полностью совпадает" с авторской (с. 129) довольно показательны в своей мозаичности и отсутствии всякой логики. Полное совпадение, судя по изложению авторов, заключается в том, что типы I – III не отражены в "хронологической схеме" И.П.Засецкой, а "погребальные сооружения пятого периода – второй половины VI – начала первой половины VII в. – пока установить не удалось" (с. 129). Вероятно, авторам совсем не известна обоснованная критика этих хронологических групп И.П.Засецкой [14]. Они и не подозревают о найденных в Керченских склепах многократно публиковавшихся Й.Вернером, А.К.Амброзом, А.И.Айбабиным византийских пряжках, пальчатых фибулах и других вещах VII в. и более поздних.

Вывод, к которому приходят авторы в заключении, что "наблюдения, сделанные в ходе изучения могильника, являются дополнительным свидетельством в пользу континуитета материальной и духовной культуры населения боспорской столицы позднеантичного и раннесредневекового периода" (с. 129), ничем не обоснован, а в большей степени публикация противоречит этому выводу. "Модная" сейчас тема континуитета, возрожденная после почти столетнего забвения, как и прочие ссылки авторов на многочисленные аналогии тех или иных находок, только с особой остротой показывают научную несостоятельность и отсутствие понимания авторами задач и методов археологических исследований, тем более такого сложного эталонного памятника как некрополь Пантикапея.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинько В.Н. Охранные археологические исследования Керченского заповедника (итоги и перспективы) // Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы докладов юбилейной конференции. Керчь, 1991.
2. Zin'ko V.N. Summary of Results of the Five-Year Rescue Excavations in the European Bosphoros, 1989-1993 // North Pontik Archaeology. Colloguia Pontika 6. Brill, 2001.
3. Зинько В.Н. Пантикапейский погребальный комплекс I в. н.э. // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
4. Яковенко Э.В. К истории исследования пантикапейских расписных склепов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
5. Зинько Е.А. Перспективы исследования пантикапейских расписных склепов // Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы докладов юбилейной конференции. Керчь, 1991.
6. Зинько Е.А. Пантикапейские расписные склепы (итоги и перспективы исследования) // Крымский музей. 1994. № 1.
7. Зинько Е.А. Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
8. Зинько Е.А. Проблемы исследования позднеантичных боспорских расписных склепов // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
9. Barbet A. Rostovtseff et la peinture antique de la Mer Noire // Comptes rendus de l'Academie des inscriptions. 1999, janvie-mars. Paris, 1999.
10. Сохин М.Ю. Изучение “новой системы” подземного некрополя Пантикапея // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5.
11. Лысенко А.В. и др. Охранные исследования некрополя Пантикапея в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні в 1999-2000 рр. Київ, 2001.
12. Сохин М.Ю. Исследование восточной части “катакомбного” некрополя Пантикапея в 2001-2002 годах // Древности Боспора. М., 2003. Вып. 6.
13. Зинько Е.А. Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 1.
14. Айбабин А.И. О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (к публикации И.П.Засецкой) // МАИЭТ. 1993. Вып. III.